

ФОРМИРОВАНИЕ ИТАЛО-ГЕРМАНСКОГО ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОГО СОЮЗА

В 1936—1939 гг.

Политическое соглашение, подписанное министрами иностранных дел Германии и Италии 23 октября 1936 г. в Берлине, стало первой фазой на пути формирования союза фашистских стран, вставших на путь агрессии и борьбы за передел мира. 25 ноября в Берлине состоялось официальное подписание Германией и Японией Антикоминтерновского пакта, направленного на окружение и изоляцию СССР. Италофашистское руководство проявило интерес к пакту. 16 ноября министр иностранных дел Чиано предложил японскому послу заключить аналогичное соглашение между двумя странами¹.

Весной 1937 г. в Италии была проведена подготовительная работа по расширению сотрудничества на антикоммунистической основе, в Риме был основан центр антикоммунистических исследований, позже преобразованный в центр исследований и деятельности по организации нового порядка². Антисоветская и антикоммунистическая направленность политики фашистских стран являлась важной, но не единственной целью их сближения. Германо-японский политический союз и особенно ось Рим — Берлин были заострены против западных держав. Однако, наряду с противоречиями между империалистическими блоками, с самого начала формирования фашистского союза выявились острые внутриблоковые противоречия, которые исследованы значительно слабее. В данной статье поставлены задачи выявить не только основные этапы формирования итало-германского военно-политического союза в период от образования фашистской оси в октябре 1936 г. до возникновения военно-политического кризиса в Европе в марте 1939 г., но также рассмотреть возникшие в ходе переговоров противоречия и разногласия по политическим и военно-стратегическим вопросам.

* * *

Подписанный Италией и Германией берлинский протокол не решил спорных вопросов между ними в Центральной и Юго-Восточной Европе, не привел к согласованности действий в

¹ Ferreti V. La politica giapponese e i rapporti con L'Italia e la Germania (1935—1939). — *Storia contemporanea*, 1976, N 4, p. 795.

² ACS, MCP, b. 33, fasc. 438. Centro di Studi Anticomunisti.

политической и тем более в военных областях³. Берлинский протокол значительно уступал более конкретным статьям германо-японского соглашения, что касается его секретных статей, то Рим о них даже не был информирован⁴.

Сильные центробежные тенденции тайла в себе позиция, занятая италофашистским руководством относительно границ сотрудничества с партнером по оси. Фашистская Италия рассчитывала на такое равновесие сил, которое дало бы ей свободу маневрирования между западными державами и Германией в период подготовки к новой мировой войне. Используя это равновесие, Италия стремилась получить преимущество не только перед английским и французским соперниками, но и перед партнером по оси. Был даже найден специальный термин, который определил эту политику как «параллельную» той, которую проводит рейх⁵.

После заключения соглашения с Берлином в Риме усилился интерес к достижению соглашения с Лондоном. Итальянский посол в Лондоне Гранди обращал внимание своего правительства на прогрессирующую благожелательную позицию британской прессы в пользу соглашения с Италией. Ссылаясь на хорошо осведомленного информатора, он подчеркивал, что эта линия поощряется в британской прессе официальными, правительственными кругами. В соответствии с официальными директивами средства массовой информации вели планомерную обработку общественного мнения в свете предстоящего признания Лондоном аннексии Эфиопии⁶. Отдел печати итальянского посольства в Берлине указывал, что одной из причин благожелательного отношения Лондона к соглашению с Римом было осложнение англо-германских переговоров по колониальному вопросу⁷.

В конце 1936 г. в выступлениях руководителей нацистской Германии настойчиво звучали колониалистские требования. В связи с этим посольство Италии в Берлине особенно обращало внимание на статью Я. Шахта, опубликованную в американском журнале «Форин афферс».

В ней гитлеровский министр открыто указывал на решимость Германии добиться удовлетворения колониальных требований любыми средствами⁸. В ходе переговоров в январе 1937 г. с представителями западных держав германское руководство че-

---

³ Das Deutsche Reich und der Zweitweltkrieg. Stuttgart, 1979, Bd. 1., S. 621.

⁴ Ferreti V. La politica giapponese... , p. 795.

⁵ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии. М., 1969, с. 22—23.

⁶ ACS, MCP, b. 158, fasc. 6. Rapporti delle Ambasciate, 16/XI 1936.

⁷ Ibid., b. 323. La Germania ed il problema coloniale, 19/XII 1936.

⁸ Ibidem.

рез Я. Шахта открыто выдвинуло требования о предоставлении колоний⁹.

В свою очередь сотрудничеством с Англией италофашистское руководство планировало поправить свой международный авторитет, укрепить позиции на Балканах, ослабленные в период экономических санкций Лиги наций. 2 января 1937 г. Чиано и английский посол в Лондоне Дрэммонд заключили джентльменское соглашение, которое предусматривало уважение статус-кво в Средиземноморском бассейне, после чего английская пресса заговорила о возвращении к «фронту Стрезы»¹⁰.

Германия стремилась сорвать англо-итальянское сближение. С этой целью 13 января с десятидневным визитом в Италию прибыл германский министр Геринг. Он убеждал Муссолини в неизбежности англо-итальянского конфликта в Средиземноморье и призвал углублять сотрудничество между фашистскими странами. Он попытался привлечь внимание главы итальянского правительства к программе военно-морского строительства. В этой связи странно было слышать из уст министра авиации рекомендации не переоценивать значение авиации по сравнению с военно-морским флотом. Министр привел примеры живучести военных кораблей, подвергшихся налетам самолетов противника. Муссолини познакомил Геринга с итальянскими планами военно-морского строительства. Как раз в начале января была принята новая программа строительства военных судов, она включала два броненосца водоизмещением 35 тыс. т и 12 эсминцев, значительное количество подводных лодок. После завершения этой программы итальянский военный флот должен был насчитывать 4 броненосца водоизмещением по 35 тыс. т (типа «Литторио»), 4 броненосца по 24 тыс. т (типа «Кавур»), полностью модернизированных, 7 крейсеров по 10 тыс. т, 12 крейсеров по 5—8 тыс. т, 12 больших эсминцев, 24 средних и 32 небольших и более 100 подводных лодок¹¹.

Геринг заметил, что военно-морские силы Италии, Германии и Японии превзойдут мощь других стран. Очевидным было стремление Геринга привязать военно-политическую стратегию Италии к стратегии Германии. Геринг спросил Муссолини, как он представляет себе дальнейшее развитие итало-германских отношений. Глава правительства уклонился от прямого ответа на вопрос, сославшись на необходимость продолжения в дальнейшем «параллельных действий». По австрийскому вопросу Муссолини дал понять, что Италия больше не вернется к «стра-

⁹ См., например, о переговорах Шахта с главным экономическим советником британского правительства Ф. Лейт-Россом: DBFP, ser. 2, v. 18, N 148, p. 187—195; N 163, p. 215—216.

¹⁰ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии, с. 21—22.

¹¹ ACS, Segretaria Particolare del Duce, 1937, b. 8, fasc. 15, sottofasc. A—IE 8/1 1937; Druga wojna swiatowa na morzu. Gdansk, 1976, s. 770, 773.

же на Бреннере», но подчеркнул важность сохранения соглашения 11 июля 1936 г.¹²

Советник итальянского посольства в Берлине Маджистрати полагал, что поворот в позиции Италии в отношении независимости Австрии произошел в феврале 1937 г. Италия пошла на уступки Берлину в расчете на поддержку агрессивных планов в Средиземноморье. Весной 1937 г. итальянцы активизировали антианглийскую кампанию в арабских странах¹³. Одновременно были приняты усилия по расширению Римского блока за счет Югославии¹⁴. Продолжались Римом поиски путей к сепаратной сделке с Лондоном, переговоры были начаты летом 1937 г. и касались решения проблем в Средиземном море, Абиссинии, Испании, Ливии и на арабском Востоке¹⁵. Признаки англо-итальянского сближения были зафиксированы германским послом в Риме фон Хасселем в конце июля 1937 г.¹⁶

В июле 1937 г. японский министр иностранных дел Итагаки вручил премьер-министру документ, в котором наряду с анализом обстановки на Дальнем Востоке содержалось предложение укрепить политические отношения между Германией, Италией и Японией, а в перспективе развернуть их в военный союз. 31 июля японский посол в Италии Хотта передал Чиано письмо японского министра иностранных дел с предложением придать отношениям между двумя странами конкретную форму. Посол разъяснил, что речь идет о соглашении антикоммунистического характера, типа того, что было заключено год назад между Берлином и Токио. Это соглашение можно сопроводить секретным протоколом о тесном «военно-техническом сотрудничестве». Япония особенно проявляла интерес к сотрудничеству с Италией в области авиации и флота. В перспективе японская сторона рассматривала возможность развития соглашения в пакт «весьма благоприятного нейтралитета». Чиано не дал ответа на японское предложение¹⁷. На переговорах в Берлине по этому вопросу Риббентроп предложил договориться о конкретной военной помощи. Его предложение вызвало озабоченность в японских правящих кругах в связи с опасностью вовлечения в европейскую войну и преждевременного обострения отношений с Лондоном. В Токио делали упор на антисоветскую направленность соглашения.

Глава итальянского правительства прибыл в Берлин 25 сентября. Первый визит Муссолини за границу после 1925 г. был задуман как широкая манифестация солидарности и единства

¹² L'Europa verso la catastrofe. Milano, 1964, v. 1, p. 138—153.

¹³ Лопухов Б. Р. История фашистского режима в Италии. М., 1977, с. 187.

¹⁴ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии, с. 37.

¹⁵ Bolech Cecchi D. L'accordo di due imperi. Milano, 1977, p. 14.

¹⁶ Zentrales Staatsarchiv. Potsdam, Film 15294, Aufn. E-540366.

¹⁷ L'Europa verso la catastrofe, v. 1, p. 217—220.

политики двух фашистских режимов. В Берлине был проведен грандиозный митинг на олимпийском стадионе, в дни визита были закрыты учреждения и школы, символический характер придавался присутствию Муссолини и маршала Бадальо на военных маневрах в районе Мекленбурга, посещению итальянской делегацией крупных военных заводов в Эссене. В речах фашистских руководителей подчеркнуто отмечалась общность режимов и политических целей, прочность фашистской оси¹⁸. Итальянской прессе было дано указание подчеркивать дружеский характер встречи и итало-германскую солидарность¹⁹.

В ходе переговоров Гитлер признал преобладание итальянских интересов в Испании и в целом в Средиземноморье, в свою очередь Муссолини обязался признавать «особые германские интересы» в мире²⁰. Но по австрийскому вопросу глава итальянского правительства формально подтвердил независимость Австрии, осуществляемую в «тени великой Германии». Визит Муссолини в Германию, по мнению итальянского историка-коммуниста Э. Сантарелли, дал окончательную идеологическую и политическую санкцию оси Рим — Берлин. Последовавшее за ним присоединение Италии к Антикоминтерновскому пакту не только усилило антибританский характер итало-германского союза, но и укрепило соглашение между Римом и Берлином в тот момент, когда Муссолини менее всего думал об Австрии и более всего желал осуществления средиземноморских, антизападных и антидемократических целей²¹.

20 октября японский посол информировал Чиано, что германское правительство предложило заключить тройственный пакт и с этой целью Риббентроп предполагает посетить Рим. Подтверждение пришло в тот же день. Германский посол в Риме Хассель и начальник кабинета Риббентропа Раумер нанесли визит Чиано. Итальянский министр в общих чертах подтвердил готовность Италии присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, но попросил уточнить, какие секретные соглашения существуют между Германией и Японией. Раумер уклонился от ответа, что произвело на министра крайне неблагоприятное впечатление. В то время, как японская сторона предлагала перенести в тройственный пакт положение о благоприятном нейтралитете, в Берлине искали повод, чтобы добиться его сохранения в соглашении между Германией и Японией. Итальянский исследователь Тоскано полагает, что в Берлине не хотели распрост-

---

¹⁸ ACS, SPD. Autografi, 1937, b. 8, fasc. 15; ACS, MCP, b. 21, fasc. 308. Viaggi del Duce.

¹⁹ ACS, MCP, b. 31, fasc. 431. Viaggio del Duce a Berlino, 1937.

²⁰ Шихов В. И. Политика Англии и держав оси Берлин — Рим в Юго-Восточной Европе (сентябрь 1937 — май 1938). — В сб.: Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Свердловск, 1977, с. 56—57.

²¹ Santarelli E. Storia del fascismo. Roma, 1973, v. 3, p. 61.

ранения этого пункта на Италию, поскольку это вызвало бы крайне отрицательную реакцию Англии²².

22 октября 1937 г. Риббентроп прибыл в Рим. В основном были обсуждены условия вступления Италии в Антикоминтерновский пакт. Чиано вновь свел разговор к вопросу о секретных протоколах в германо-японском соглашении. Он подчеркнул, что первоначально итальянцы положительно отнеслись к заключению в рамках пакта секретной статьи о благоприятном нейтралитете во всех случаях и о консультациях в особых.

Риббентроп подтвердил существование между Германией и Японией «разновидности джентльменского соглашения», в рамках которого осуществляются некоторые технические контакты между двумя генеральными штабами. Отношения между двумя странами углубляются и в других областях. Соглашение было направлено как против СССР, так и против западных держав. Сославшись на неопределенность позиции Токио, Риббентроп не дал ответа относительно возможности подписания с Италией секретного протокола²³.

В беседе с Муссолини Риббентроп указал на необходимость дальнейшего развития пакта. Глава фашистского правительства согласился с ним в том, что за Антикоминтерновским пактом должно последовать более тесное соглашение политического и военного характера. Муссолини предложил усилить помощь обеих стран франкистам, но ясно дал понять, что Италия имеет свои виды на Испанию. Он упомянул об итальянских планах создания военно-морской базы на Мальорке. В случае конфликта с Англией и Францией Италия рассчитывала при помощи военных баз на Мальорке и Пантеллерии перерезать французские и английские коммуникации с Африкой, где, по мнению Муссолини, развернется один из наиболее важных фронтов грядущей войны. Риббентроп поддержал итальянские притязания на Мальорку, которую он назвал «новой важной фигурой в средиземноморской игре»²⁴.

В свою очередь Риббентроп попытался заручиться итальянской поддержкой в отношении аншлюса Австрии. Ответ главы итальянского правительства был предельно ясен. Он заявил, что Италия более не является «главным часовым австрийской независимости», однако напомнил, что Германия не должна предпринимать действий против Австрии, не поставив предварительно в известность Италию. Муссолини объяснил изменение позиции Италии в отношении стран Центральной Европы тем, что отныне ее интересы сосредоточены на Средиземноморье и в колониях, а Сицилии предстоит превратиться в «географиче-

---

²² La politica estera italiana dal 1914 al 1943. Roma, 1963, p. 199.

²³ L'Europa verso la catastrofe, v. 1, p. 234—236.

²⁴ Советский полпред в Италии указывал на особенно важное значение для Рима германской поддержки в испанских делах в свете англо-итальянского соперничества в Испании.— ДВП СССР, т. 20, № 422, с. 628.

ский центр Римской империи»²⁵. Северо-восточную границу империи в Риме предполагали провести через Балканские страны. С этой целью италофашистские руководители планировали дополнить «вертикальную» ось Рим — Берлин «горизонтальной» Рим — Белград — Будапешт. Последней предстояло выполнить роль барьера на пути германской экспансии в Юго-Восточную Европу²⁶.

Важное значение для определения конкретных агрессивных целей германского империализма имело выступление Гитлера на совещании политических и военных руководителей 5 ноября 1937 г. На этом совещании рейхсканцлер утверждал, что ни автаркия, ни увеличение доли в мировой торговле не могут решить проблемы Германии. Единственным выходом, утверждал Гитлер, является «приобретение обширного жизненного пространства» силой оружия. Гитлер считал, что вопрос о возвращении колоний можно решить только в том случае, если Англия окажется в тяжелом положении, а Германия будет хорошо вооружена. Он считал возможным возникновение благоприятной ситуации для сведения счетов с Англией и Францией в случае возникновения конфликта между ними и Италией в Средиземноморье. Гитлер полагал, что проблему «жизненного пространства» можно решить за 6—8 лет, начиная с 1938 г. В качестве первоочередных жертв были намечены Австрия и Чехословакия²⁷.

Таким образом, Италию и Германию сближала общность интересов в борьбе за передел мира, против Англии и Франции, но между ними сохранялось острое соперничество, особенно в Юго-Восточной Европе.

6 ноября 1937 г. Италия присоединилась к Антикоминтерновскому пакту. «Являясь дипломатическим орудием борьбы трех агрессивных стран против идеологии Лиги наций и связанных с нею стран и орудием агрессивных тенденций,— отмечал М. М. Литвинов,— римское соглашение должно служить в то же время индивидуальным целям каждого из его участников. Если оно используется Японией и Германией главным образом против СССР, то Италия видит в нем главное средство давления на Англию»²⁸.

Творцы тройственного пакта стремились ослабить беспокойство в столицах западных стран, в связи с подписанием соглашения. По словам Чиано, англичане «чувствуют, что система заключается против них». Советский полпред Б. Е. Штейн описал курьезный случай с фашистским журналистом В. Гайдой, являвшимся «рупором» итальянского дуче. Сразу же после

²⁵ L'Europa verso la catastrofe, v. 1, p. 238—245.

²⁶ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии, с. 37.

²⁷ Документы и материалы кануна второй мировой войны. 1937—1939. М., 1981, т. 1, № 1, с. 24—34.

²⁸ ДВП СССР, т. 20, сноска 238, с. 764.

присоединения Италии к пакту Гайда, по словам советского дипломата, «не заглянув в святцы, бухнул в колокола». Первая его статья, посвященная тройственному пакту, была явно направлена против Англии. В ней журналист занялся подсчетом морских сил союзников и сделал из этого угрожающие для Англии выводы. «Итальянское правительство, конечно, хотело, чтобы Англия увидела в этом договоре угрозу, направленную против нее, но отнюдь не желало, чтобы эта угроза была выявлена столь ясно», — подчеркнул полпред. В итоге Гайде запретили на время писать статьи о внешней политике²⁹.

Итальянское правительство дало знать госдепартаменту США, что развитие отношений между тремя странами не противоречит американским интересам, а пакт направлен только против Коминтерна и «большевистской опасности, угрожающих западной цивилизации»³⁰.

В действительности тройственный пакт вывел к переговорам о заключении военного союза в целях реализации широких захватнических планов. Итальянский министр иностранных дел Чиано указал на это достаточно откровенно: «Три народа вышли на общую дорогу, которая может быть приведет их к сражению. Необходима борьба, чтобы разбить лед, который скоывает энергию и устремления молодых народов... Нет больше положения 1935 г. Италия пробила изоляцию: она находится в центре гигантской военно-политической комбинации, не существовавшей никогда ранее»³¹.

Новые веяния стали проявляться и в разработке вопросов итальянской военной стратегии. На заседании высшего военного руководства Италии в декабре 1937 г. были рассмотрены вопросы войны против Англии и Франции. В выступлении начальника генерального штаба сухопутных сил Париани, поддержанном начальником генерального штаба трех родов войск Бадольо, отмечалось, что на альпийской границе военные действия против Франции примут позиционный характер, а решающая борьба развернется в Северной Африке на границах с Египтом и Тунисом. С этой целью целесообразно решить вопрос об обеспечении необходимых поставок в Ливию для ведения военных операций. Бадольо сообщил о намерении главы правительства довести количество итальянских войск в Ливии до 6 дивизий. На заседании были рассмотрены вопросы тесного сотрудничества между генеральными штабами трех родов войск³². Итальянский исследователь Л. Чева обращает внимание, что на этом заседании впервые была изложена «концепция Париани», со-

²⁹ ДВП СССР, т. 20, № 422, с. 624.

³⁰ ACS, MCP, b. 163, fasc. 19, sottofasc. 78, Stati Uniti, 28/XI 1937.

³¹ C i a n o G. Diario. Roma, 1947, p. 46.

³² C e v a L. Appunti per una storia dello Stato Maggiore Generale fino alla vigilia della "non belligeranza" (giugno 1925 — luglio 1939). — Storia contemporanea, 1979, N 2, p. 236—239.

гласно которой урегулирование конфликта будет найдено не в Альпах, а в Северной Африке, где запланировано «наступление на Суэц, военные действия против Египта, оборона на тунисском фронте»³³.

В конце 1937 г. японский генеральный штаб предложил Берлину заключить военный пакт. Гитлеровское руководство отклонило это предложение из опасений преждевременного втягивания в конфликт, особенно в связи с напряженной обстановкой на Дальнем Востоке. Весной 1938 г. японский генеральный штаб обратился в Рим с предложением о военном сотрудничестве. В Японию была направлена делегация фашистской партии, однако итальянское руководство уклонилось от принятия предложения в свете предстоящего подписания соглашения с Лондоном³⁴.

В январе нанес визит в Рим германский военный министр Бломберг. Визит совпал с открытием 15-й сессии Верховной комиссии обороны Италии. 13 февраля прибыл в Италию Риббентроп, 21 марта — руководитель германского арбайтсфронта Лей, который затем выехал в Ливию.

Ссылки фашистской пропаганды на антисоветскую направленность Анτικοинтерновского пакта не могли полностью скрыть от Лондона и Парижа опасности, исходившей от новой политической коалиции фашистских государств. Однако вместо того, чтобы стремиться к созданию фронта коллективного отпора фашистским агрессорам, правительства западных держав искали пути сговора с агрессорами на антисоветской основе. 2 января 1938 г. Риббентроп направил Гитлеру доклад, в котором указывалось, что в связи с неподготовленностью Англии к войне и обострением противоречий с Италией и Японией Лондон не решится начать войну с Германией из-за центральных европейских проблем, но попытается ослабить треугольник Берлин — Рим — Токио путем заключения отдельного соглашения с Италией³⁵.

Аншлюс Австрии изменил расстановку сил в Центральной и Юго-Восточной Европе в пользу Германии и поставил под угрозу итальянские позиции в этом районе. С другой стороны, Лондон стремился использовать в своих интересах озабоченность в Италии и других странах в связи с германской угрозой, изолировать Берлин и облегчить сделку с германским руководством. Это ускорило достижение англо-итальянского соглаше-

---

³³ Ibid., p. 239.

³⁴ Toscano M. Le origini diplomatiche del Patto d'Acciaio. Firenze, 1956, p. 10—12.

³⁵ Чемпалов И. Н. Политика великих держав в Юго-Восточной Европе в период аншлюса Австрии и чехословацкого кризиса в 1938 г. — В сб.: Балканы и Ближний Восток в новейшее время. Свердловск, 1974, с. 129.

ния, которое в перспективе подразумевалось как составная часть сговора ведущих империалистических государств³⁶.

16 апреля 1938 г. в римском дворце Киджи было подписано соглашение, которое позволило Италии выйти из международной изоляции, в которой она оказалась в результате эфиопской авантюры.

Итальянские расчеты в связи с соглашением были лаконично суммированы Чиано в его дневнике: «В Европе ось остается основной. В Средиземноморье сотрудничество с англичанами до тех пор, пока это будет возможно. Франция остается за чертой: по отношению к ней наши требования определены уже сейчас»³⁷.

Соглашение с Лондоном позволило итальянскому правительству ужесточить свои требования по отношению к Франции и поставить на повестку дня планы агрессии на Балканах. К весне 1938 г., пишет Н. Д. Смирнова, экспансионистскую программу итальянского фашизма на Балканах как составную часть средиземноморской можно было считать оформившейся. В апреле Чиано представил главе правительства план оккупации Албании³⁸. Усилилось экономическое и политическое проникновение Италии в соседнюю страну. По поручению Чиано министерство культуры усилило пропагандистскую обработку населения Албании посредством ежедневных радиопередач, расширения преподавания итальянского языка в Албании, итальянские компании монополизировали прокат фильмов в Албании и практически вытеснили французских и греческих конкурентов. Министр культуры Альфиери представил правительству смету на строительство новой крупной радиостанции в Тиране³⁹.

В мае 1938 г. состоялся визит Гитлера в Италию. Опираясь на соглашение с Англией, итало-фашистское руководство стремилось выторговать уступки у Германии в Юго-Восточной Европе в обмен на дальнейшее сближение с ней. В свою очередь германское руководство стремилось нейтрализовать англо-итальянское соглашение, связав Рим военным союзом, и облегчить осуществление агрессивных планов в отношении Чехословакии, если Англия и Франция вмешаются в конфликт на ее стороне. Гитлер заявил своему адъютанту Шмунду: «Чешский вопрос может быть разрешен вопреки Франции и Великобритании, если только мы будем тесно связаны союзом с Италией»⁴⁰.

---

³⁶ Михайленко В. И. Англо-итальянское соглашение 16 апреля 1938 г. — В сб.: Политика великих держав на Балканах и Ближнем Востоке. Свердловск, 1982.

³⁷ Ciano G. Diario, p. 293, 16/XI 1938.

³⁸ Смирнова Н. Д. Балканская политика фашистской Италии, с. 58, 68.

³⁹ ACS, MCP, b. 93, fasc. 2. Propaganda italiana in Albania, 20/V 1938.

⁴⁰ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, v. 25, p. 414.

В разгар чехословацкого кризиса Гитлер поручил военному атташе в Риме фон Ринтелену подготовить доклад о состоянии итальянских вооруженных сил. Выводы военного атташе о бое-способности итальянских сил оказались неутешительными, и Гитлер распорядился в дальнейшем корректировать подобную информацию в положительном духе⁴¹.

В апреле германское министерство иностранных дел подготовило три проекта договора о союзе с Италией: секретный, открытый договор о взаимопомощи и проект с открытым документом об интенсификации отношений между двумя странами, но с секретным соглашением о взаимопомощи⁴². Проекты претерпели с десятком модификаций, прежде чем были представлены итальянцам. Представляет интерес дополнительный секретный протокол, который был направлен против Англии и Франции. Он предусматривал координацию военных мероприятий, установление постоянного сотрудничества военных командований двух стран, совместное ведение войны. Немецкая сторона предлагала развернуть военное сотрудничество сразу же после подписания пакта. Под ним подразумевались обмен информацией о вооруженных силах противника, военно-техническим опытом, взаимные приготовления в области военной экономики и вооружений, взаимное обсуждение оперативных и тактических вопросов, распределение стратегических объектов для достижения общих военных целей, согласование военно-правовой политики⁴³.

По немецкой версии итальянское руководство якобы не было готово к переговорам о пакте и поэтому избегало разговоров на эту тему. Когда же немецкая делегация настояла на обсуждении, Муссолини отклонил германские проекты⁴⁴. Запись в дневнике Чиано от 1 мая вступает в противоречие с данной версией: «Представляю главе (правительства.— В. М.) возможный договор с Германией. Он согласен. Я предложу его Риббентропу, подчеркнув, что в наших обоюдных интересах подписать пакт. Мы уже заключили договор с Лондоном, а через некоторое время подпишем с французами. Если не зафиксировать также наши позиции с Берлином, все скажут, что ось ликвидирована и мы вернулись к Стрезе». Итальянский исследователь Тоскано утверждает, что министр Чиано первым вручил немецкому коллеге проект пакта, в котором главный акцент был сделан на определение и разграничение сфер влияния в Дунайском бассейне⁴⁵.

⁴¹ Rintelen E. Mussolini l'alleato. Roma, 1952, p. 48—49.

⁴² Ceva L. Altre notizie sulle conversazioni militari italo-tedesche alla vigilia della seconda guerra mondiale.— In: Il Risorgimento, 1978, ott., p. 152.

⁴³ Watt D. C. An earlier model for the Pact of Steel.— In: International Affairs, 1957, Apr., v. 33, N 2, p. 189—190.

⁴⁴ Kordt E. Nicht aus den Akten. Stuttgart, 1950, S. 216.

⁴⁵ Toscano M. Le origini diplomatiche... , p. 13.

В статье английского историка Д. К. Уатта анализируется имеющийся в британских архивах первоначальный итальянский проект «стального» пакта. Из него видно, что италофашистское руководство стремилось обезопасить свои позиции от возможных притязаний Берлина на итальянские территории, особенно в провинции Альто-Адидже, и от германского проникновения в итальянские сферы влияния на Балканах и в других районах. Особенно примечательна в этом отношении вторая статья итальянского проекта. Она гласила: «Высокие договаривающиеся стороны обязуются не допускать или не способствовать деятельности в любой форме на обоюдных территориях, которая была бы направлена против территориальной целостности или порядка, установленного другой договаривающейся стороной, или которая могла бы повредить дружественным отношениям, существующим между двумя странами»⁴⁶. Эта статья проекта была встречена в штыки германской делегацией. «Он более похож на мирный договор с противником, чем на союз с другом», — раздраженно заметил статс-секретарь МИД Германии Вейцзекер⁴⁷. 4 мая Гитлер обсудил с Муссолини германский проект, к этому вопросу фашистские главари вернулись на следующий день и 8 мая в связи с присутствием германской делегации на учениях военной авиации⁴⁸. Участник переговоров Шмидт вспоминает, что Риббентроп со свойственной ему прямолинейностью оказывал сильный нажим на итальянцев с целью добиться принятия ими немецкого проекта пакта. На это Чиано ответил с саркастической улыбкой: «Солидарность между нашими двумя режимами проявляется в эти дни с такой очевидностью, что формальный союзный договор излишен»⁴⁹.

Внешняя сторона итало-германских переговоров была обставлена более помпезно, чем предыдущие встречи глав фашистских правительств. Но исходом переговоров оказались недовольны оба их участника. Муссолини дал понять, что не собирается отказываться от переговоров с Англией. В свою очередь германская сторона игнорировала настойчивые призывы Рима пойти навстречу в признании итальянских интересов в дунайско-балканском районе. В Берлине уже готовились к тому, чтобы после захвата Чехословакии прибрать к своим рукам всю Юго-Восточную Европу, а Италии предлагали заняться Африкой. Соперничество фашистских государств в этом районе не было ослаблено. Вместе с тем после окончания переговоров Муссолини дал понять, что Италия не намерена вернуться к «фронту Стрезы». Дальнейшие итальянские внешнеполитические

⁴⁶ Watt D. C. An earlier model for the Pact of Steel, p. 190.

⁴⁷ Weizsäcker E. Erinnerungen. München, 1950, S. 158—159.

⁴⁸ ACS, Presidenza del Consiglio dei Ministri. Anni 1937—1939, b. 4/11, fasc. 3711, sottofasc. 44. Venuta di Hitler in Italia. 1938.

⁴⁹ Schmidt P. Statist auf Diplomatischer Bühne. 1923—1945. Bonn, 1949, S. 387—388.

расчеты строились на укреплении оси Рим — Берлин при сохранении англо-итальянского соглашения и выдвижении колониальных претензий к Франции⁵⁰. В период майского кризиса, связанного гитлеровцами против Чехословакии, италофашистское руководство демонстрировало полную поддержку действий германского союзника. Министр культуры Альфиери информировал германского министра пропаганды Геббельса о безоговорочной поддержке в итальянской прессе позиции Германии в судетском кризисе⁵¹.

В конце мая в Риме было принято решение продолжить обсуждение проекта договора с германскими руководителями. Из записей в дневнике Чиано видно, что изменение в итальянской позиции было вызвано затруднениями в переговорах с Англией и особенно с Францией⁵². Муссолини предложил внимательно изучить германский проект и привлечь к переговорам Японию. К этому времени итало-японские связи значительно укрепились. В начале июня министерства иностранных дел и военно-морского флота Германии и Японии договорились о направлении в Токио адмирала Де Куртена для ведения переговоров о военном соглашении⁵³. 27 июня Чиано поручил послу в Берлине информировать Риббентропа о намерении встретиться с ним примерно через месяц в Комо для подготовки договора. Он даже дал указание послу выяснить состояние отношений между Токио и Берлином и конкретно границы японского сотрудничества с Берлином. Зондаж в Берлине дал неожиданные результаты. Германское руководство категорически отказалось включить военные статьи в секретный протокол, оно настаивало на открытом военном союзе с участием Японии. Тоскано объясняет позицию Берлина уверенностью немцев решить чехословацкий вопрос без участия Италии. Не исключено противоположное — открытым военным союзом германское руководство предполагало усилить нажим на Англию и Францию, с тем чтобы добиться решения судетской проблемы в свою пользу.

С новыми немецкими предложениями о военном союзе прибыл в Рим принц Гессенский. Чиано записал в дневнике 11 июля: «Переговоры с принцем Гессенским, посланцем Риббентропа. Предмет: о военной помощи. Риббентроп настаивает, чтобы такой пакт был заключен. Я ответил, что дуче и я думаем в том же духе, но мы хотим посмотреть на развитие отношений с Лондоном и тем временем подготовить основу популярности соглашения. Похоже, что Риббентроп, опасаясь распространения слухов и ссылаясь на готовность японцев принять участие в

---

⁵⁰ Бочаров И. Н. Италофашистская дипломатия и мюнхенский сговор. — Новая и новейшая история, 1962, № 1, с. 76; Шихов В. И. Политика Англии и держав оси..., с. 83—84.

⁵¹ ACS, MCP, b. 116, fasc. 8. Goebbels, 25/V 1938.

⁵² Ciano G. Diario, p. 195.

⁵³ Ibid., p. 187, 6/VI 1938.

пакте, откажется от поездки в Комо. Принц Гессенский уполномочен вести переговоры секретно, в обход посольства»⁵⁴.

В конце июля вопрос о военно-политическом союзе вновь возник на переговорах между Римом и Берлином, но сторонам не удалось достичь конкретного соглашения. Риббентроп уклонился от предложения итальянской стороны о переговорах в Комо. В свою очередь Чиано не принял приглашения прибыть на нюрнбергский съезд НСДАП. Тем не менее на съезд в сентябре была направлена самая представительная за все годы итальянская делегация во главе с секретарем партии Фариначчи⁵⁵.

Обмен мнениями относительно военно-политического союза был продолжен в сентябре, во время мюнхенской конференции. В ноябре министр иностранных дел информировал фашистскую палату о том, что в разгар чехословацкого кризиса Муссолини лично распорядился провести мобилизацию, в основном на западной границе, в Ливии, на Эгейских островах и острове Пантеллерия. В долине реки По численность войск была доведена до 75 % мобилизации, предусмотренной в военное время, в повышенную готовность были приведены армия, авиация и флот. По словам итальянского министра иностранных дел, Муссолини распорядился создать базу политического соглашения с Берлином и установить совместные итало-германские военные органы. На 12 часов 19 сентября в Мюнхене была назначена встреча Риббентропа, Чиано, Кейтеля, Парини и Валле⁵⁶. Однако из авторитетных итальянских источников в Лондон поступила информация, что приготовления Италии носят «поверхностный характер» и в случае войны она не выступит на стороне Германии⁵⁷.

В ходе мюнхенской конференции итальянские и германские руководители обсудили проект тройственного пакта, предложенный японскими милитаристами. В конце августа совет пяти министров Японии принял решение ускорить переговоры с Германией о заключении военного союза. На заседании было высказано «желание японского правительства извлечь опыт из событий в Европе, усилить борьбу против происков Коммунистического Интернационала и его агентуры в духе требований Антикоминтерновского пакта для Азии»⁵⁸. Преамбула союзного договора отразила его антисоветскую направленность. В ней подчеркивалось, что договор о взаимопомощи заключается в развитии положения Антикоминтерновского пакта. Однако основной текст договора позволял использовать военный союз

---

⁵⁴ Ciano G. Diario, p. 207—208; Magistrati M. Il prologo del dramma. Milano, 1971, p. 206—207.

⁵⁵ ACS, MCP, b. 87, fasc. 5. Congresso di Norimbergo, 1937—1939.

⁵⁶ АВП СССР, ф. 176, оп. 15, д. 14, л. 20—33.

⁵⁷ DBFP, ser. 3, v. 2, N 887, p. 331—332; v. 3, N 345, p. 335.

⁵⁸ История второй мировой войны. М., 1974, т. 2, с. 314.

против любого другого государства. Муссолини одобрил основные положения проекта и уполномочил Риббентропа на ведение переговоров с Токио от итальянской стороны⁵⁹.

В октябре в японском правительстве произошли перестановки, в результате которых пост министра иностранных дел занял Хатио Арита, сыгравший активную роль в подготовке Антикоминтерновского пакта.

В двадцатых числах октября военные атташе трех стран завершили доработку проекта договора. Изменения коснулись всех разделов проекта. Первоначально в преамбуле говорилось о намерении трех стран «защищаться против угрозы их общим идеологическим интересам», в новом проекте содержался более широкий призыв к «защите общих интересов трех договаривающихся держав». В основной документ были внесены две новые — четвертая и пятая — статьи, запрещавшие заключать сепаратные перемирия или мир, определившие продолжительность действия пакта в десять лет, условия его вступления в силу, продления и прекращения действия. Вторая статья была дополнена обязательством экономической поддержки. В третьей был убран последний абзац, в котором отмечалось: «...три договаривающиеся державы убеждены в том, что заключением настоящего договора они смогут внести последующий вклад в дело сохранения мира для их народов и всего человечества». В новом проекте подобная маскировка агрессивной сущности договора, видимо, была сочтена излишней. Примечательно, что было включено обязательство немедленно обсудить мероприятия в случае вступления в войну одной из сторон. Содержание дополнительного секретного протокола в основном было сохранено, но он приобрел более обязательный характер по сравнению с предыдущим. Сразу же после вступления пакта в силу предполагалось создать комиссии по экономическому, военному и политическому сотрудничеству трех стран⁶⁰.

Для обсуждения нового проекта пакта 27 октября в Италию прибыл германский министр иностранных дел Риббентроп⁶¹. Его переговоры в Риме выявили нежелание итальянской стороны форсировать подписание соглашения. Это объяснялось многими причинами. Об одной из них Чиано записал в дневнике 27 октября: «У меня есть план заморозить его (военный пакт.— В. М.), тем более, что Перт (английский посол в Риме.— В. М.) сообщил мне по секрету о решении англичан ратифицировать апрельский пакт в середине ноября. Мы должны держать открытыми обе двери, союз сегодня (с Германией.— В. М.) закрыл бы, возможно, навсегда одну из них и не менее важную. Дуче, которого я информировал, думает точно так же». Другая

⁵⁹ Toscano M. Le origini diplomatiche... , p. 37—38; Donosti M. Mussolini e L'Europa. Roma, 1945, p. 177.

⁶⁰ Toscano M. Le origini diplomatiche... , p. 44—45.

⁶¹ ACS, PCM, 1938, fasc. 4. 12, N 6040. Ribbentrop. Viaggi in Italia.

немаловажная причина обструкции итальянцев была четко изложена в меморандуме Муссолини, который Чиано зачитал Риббентропу. В нем содержалась позиция итальянского руководства в связи с японским предложением о заключении военного союза.

«1. Если говорить о военном союзе оборонительного характера, то в нем нет абсолютно никакой необходимости. Никто сегодня в мире и завтра не собирается нападать на тоталитарные государства, потому что они выступают вместе. В политических целях оборонительного характера достаточно Антикоминтерновского пакта и оси Рим — Берлин.

2. Если говорить не об оборонительном, а о наступательном союзе, тогда представляется целесообразным следующее: а) *перспективные цели трех держав должны быть ясно определены и согласованы* (выделено мной.— В. М.); союз должен вырасти из пустившей глубокие корни дружбы между народами. Когда последние условия будут достигнуты, станет ясно, что толчок неизбежен, союз возникнет естественно, как логическое следствие ситуации»⁶². Главным в меморандуме являлось указание на необходимость достижения предварительного условия — разграничение сфер влияния, — без этого италофашистское руководство отказывалось подписать военный пакт.

По существу предпосылки для заключения Тройственного военно-политического союза сложились к концу 1938 г. 10 ноября получили дальнейшее развитие германо-японские отношения в результате заключения соглашения, предусматривающего обмен военной информацией⁶³. Задержка с подписанием тройственного пакта была вызвана стремлением каждой из сторон получить максимальную выгоду и выбрать наиболее благоприятный момент.

16 ноября 1938 г. состоялась ратификация англо-итальянского соглашения британским парламентом. За ним последовало предъявление Италией требований к Франции. Рим претендовал на превращение Туниса в итало-французский кондоминиум, на передачу всей железной дороги от Аддис-Абебы до Джибути под полный итальянский контроль, на совместное административное управление портом Джибути. Итальянцы требовали допустить их представителей к управлению Суэцким каналом, 30 ноября Чиано изложил итальянские претензии в фашистской палате, его речь прерывалась возгласами: «Тунис, Джибути, Корсика»⁶⁴.

Одновременно итальянское руководство поощряло развитие военных связей с Германией. На следующий день после заклю-

---

⁶² Toscano M. Le origini diplomatiche..., p. 62.

⁶³ Ferreti V. La politica giapponese..., 799—800.

⁶⁴ L'Europa verso la catastrofe, v. 2, p. 15—24.

чения мюнхенского соглашения начальник генерального штаба армии Парияни указал германскому военному атташе в Риме полковнику Ринтелену на опасные последствия для двух стран отсутствия контактов между их генеральными штабами. Спустя месяц из Берлина пришло предложение начать переговоры на уровне генеральных штабов. 30 ноября 1938 г. начальник ОКВ Кейтель передал министру иностранных дел Риббентропу меморандум с изложением платформы генерального штаба на переговорах с итальянской стороной.

Основной принцип переговоров был сформулирован следующим образом: «Никаких совместных военных операций под единым командованием, но установление задач и определение театров войны для каждого государства, на которых стороны будут действовать независимо». В разделе «Военно-политическая основа переговоров» указывалось, что из войны Германии и Италии против Франции и Великобритании надо вывести в первую очередь Францию. В этом случае Великобритания потеряет собственные базы для продолжения войны на континенте и окажется в одиночестве перед объединенным потенциалом фашистских государств.

Предполагаемые условия военных действий: строгий нейтралитет Швейцарии, Бельгии и Голландии; благожелательный нейтралитет Венгрии и Испании; неясные позиции Балканских стран и Польши; враждебное отношение к странам оси Советской России. Позиция неевропейских стран в меморандуме не рассматривалась.

Распределение театров военных действий: Германия концентрирует все сухопутные, военно-морские и воздушные силы на западном фронте. На суше германское наступление против Франции. В это время германский военно-морской флот ведет действия против английских и французских морских коммуникаций в Северном море и Атлантическом океане. Военно-воздушный флот поддерживает действия на море и на суше.

Италия ведет военные действия главным образом в Средиземном море и Северной Африке. Италия должна была также способствовать сохранению нейтралитета Балканских стран, являющихся главной базой снабжения фашистских государств. Лишь в случае возникновения угрозы для Германии на восточном фронте планировались совместные действия Италии и Венгрии против Польши. В Средиземном море за Италией оставалась возможность оккупации Балеарских островов для воспрепятствования переброски французских сил на материк. Захват Корсики, военные действия во Французской Северной Африке, поддержка повстанческого движения в Марокко. Боевые действия против английских коммуникаций и военных сил на море и в воздухе, создание угрозы английскому влиянию в Египте, Палестине и на Ближнем Востоке, выведение из строя английской базы на Гибралтаре. На западе итальянцы должны были

сковать на своей границе максимально возможное число французских войск.

В заключительную часть меморандума были вынесены вопросы, которые вермахт рассчитывал обсудить с итальянцами в первую очередь: участие Италии во всех оборонительных (активных и пассивных) мероприятиях Германии, обмен информацией между службами вооруженных сил, участие Италии в осуществлении военной цензуры в отношении иностранных государств, сотрудничество в области сырья и производства вооружений, в области коммуникаций⁶⁵.

Платформа, предложенная германским генеральным штабом, ставила вопрос о распределении театров военных действий против Англии и Франции, но за бортом дискуссии Берлин все еще оставлял вопросы разграничения сфер влияния между фашистскими государствами. Пока перспективы переговоров с Германией о разграничении сфер влияния оставались неясными, италофашистское руководство стремилось ограничить военное сотрудничество с Берлином узкой технической областью и уклонялось от обсуждения общестратегических вопросов.

Тем временем в Риме было продолжено обсуждение планов, связанных с обеспечением безопасности коммуникаций с Северной Африкой в случае войны. В качестве рабочей гипотезы рассматривалось ведение военных действий Италии и Германии против коалиции в составе Англии, Франции, СССР, Египта, Турции и Греции. Гарантией успешного развития событий считалось овладение Мальтой, важным стратегическим пунктом Англии в Средиземном море⁶⁶. Из-за разногласий окончательных решений не было принято⁶⁷.

В середине декабря инспектор артиллерии Фаутилли обсудил с германским руководством формы сотрудничества двух армий в военно-технической области. Было достигнуто решение осуществлять интенсивные контакты между родами войск⁶⁸.

15 декабря глава итальянского правительства сообщил японскому послу наиболее приемлемую дату для подписания тройственного пакта — примерно вторая половина января или февраль⁶⁹.

К этому времени стали бы известны результаты англо-итальянских переговоров на уровне глав правительств. Кроме того, в Риме опасались преждевременного втягивания Италии в конфликт между Токио и Вашингтоном, возникшим вслед за провозглашением японским руководителем доктрины «Великой Восточной Азии»⁷⁰. Частично это подтверждается сдержанным

⁶⁵ DGFP, ser. D, v. 4, N 411.

⁶⁶ Gabriele M. *Operazione C 3: Malta*. Roma, 1975, p. 17.

⁶⁷ Ceva L. *Appunti per una storia...*, p. 240—241.

⁶⁸ Ceva L. *Altre notizie...*, p. 152.

⁶⁹ Ciano G. *Diario*, p. 236, 15/XII 1938.

⁷⁰ Ferreti V. *La politica giapponese...*, p. 790.

ответом итальянской стороны на призыв немецкого руководства активно поддержать Германию в полемике против Соединенных Штатов Америки⁷¹.

В январе 1939 г. в Риме состоялись англо-итальянские переговоры, в ходе которых италофашистское руководство не сумело добиться от Чемберлена и Галифакса уступок в свою пользу, что привело к обострению англо-итальянских отношений⁷². Еще более напряженно складывались в тот период итало-французские отношения⁷³.

Выступая в Мюнхене 8 января, Гитлер выдвинул колониальные претензии к Англии и Франции. Правительства Чемберлена и Даладье дали понять, что пойдут на дальнейшие уступки Германии за счет стран Восточной и Юго-Восточной Европы только в том случае, если Берлин откажется от колониальных требований⁷⁴.

Накануне визита Чемберлена в Рим Муссолини поручил министру иностранных дел подготовить письмо в Берлин с предложением подписания Тройственного военного союза в конце месяца. Предложение было вызвано обострением соперничества между фашистскими сторонами, с одной стороны, Англией, Францией, США — с другой. Итальянцы полагали обсудить вопрос о включении в орбиту оси Югославии, Венгрии и Румынии⁷⁵.

Вечером 4 января письмо было передано послом Аттолико германскому министру иностранных дел. Риббентроп одобрил итальянское предложение в принципе, но отметил, что его осуществление, видимо, придется отложить в связи с кризисом кабинета в Японии. Тем не менее к 29 января все должно быть готово для подписания пакта. Аттолико заметил, что, хотя в письме не говорится об условиях соглашения, он имеет инструкции считать их обсуждение «чрезвычайно важным» делом. Посол сообщил, что в Риме хотели бы обсудить вопрос о разграничении сфер влияния, проблемы экономического сотрудничества между двумя странами, а также южнотирольский вопрос. Итальянская сторона особенно настаивала на установлении системы преференций в итало-германской финансовой и экономической политике в отношении третьих стран. Особенно большое беспокойство вызывали в Италии германские требования расчетов в девидах или золотом. «Разве мы требуем оплаты золотом за труд наших рабочих в Германии!» — восклицал итальянский посол. Он указал на необходимость соглашений по

---

⁷¹ ACS, MCP, b. 113, fase. 4. Attolico B., 8, 27/XI, 1938.

⁷² L'Europa verso la catastrofe, v. 2, p. 15—24.

⁷³ Стегаль С. А. Дипломатия Франции перед второй мировой войной. М., 1980, с. 239—243.

⁷⁴ L'Europa verso la catastrofe, v. 2, p. 12.

⁷⁵ Ibid., p. 12—14.

финансовым и экономическим вопросам. Риббентроп обещал внимательно изучить итальянские предложения⁷⁶.

Италофашистское руководство было заинтересовано в достижении соглашения по спорным вопросам, вместе с тем оно опасалось чрезмерными требованиями затруднить заключение пакта. Чиано констатировал с нескрываемым беспокойством, что посол зашел «слишком далеко в обосновании итальянских условий»⁷⁷. Значительно большие расчеты в Риме связывались с подписанием военного соглашения. Чиано записал в дневнике 8 января: «Затем мы с дуче подробно рассмотрели, какие действия надлежит предпринять. Тройственный пакт о союзе. Более тесные отношения с Югославией, Венгрией, Румынией и, возможно, с Польшей в целях обеспечения нас сырьем. Союз с Испанией, как только война будет выиграна. Требования к Франции. Мы не требуем Ниццы и Савойи, ибо они находятся по ту сторону Альп. Корсика: автономия, независимость, аннексия. Тунис: статус итальянцев, автономия бея, итальянский протекторат. Джибути: свободный порт и железная дорога, управление колонией на основе кондоминиума, уступка. Суэцкий канал: широкое участие в управлении. Ликвидация Албании по соглашению с Белградом, содействуя, возможно, походу сербов на Салоники...».

26 января 1939 г. под председательством начальника генерального штаба Бадольо состоялось обсуждение общей политической директивы Муссолини. Ее суть сводилась к ведению ограниченной войны с одной Францией. При этом предполагалась «абсолютная оборона как на альпийском, так и на ливийском фронтах». Больше не говорилось о военных действиях с целью захвата Египта или английских баз в Средиземном море. Главные усилия Италии были направлены на обеспечение стабильных поставок в Ливию, чтобы обеспечить ее защиту. Новая политическая директива шла вразрез с обсуждавшимися ранее планами военных действий и вызвала недоумение у участников совещания. Начальник генерального штаба сухопутных сил Парриани заявил Бадольо, что «исключительно оборонительным планом невозможно выиграть войну». Начальник генерального штаба военно-воздушных сил Валле заметил, что необходимо решить вопрос о нейтрализации Корсики. Неясным представлялось направление дальнейшего развития военного сотрудничества с Германией. Бадольо пояснил, что глава итальянского правительства свое окончательное решение относительно общей стратегической директивы связывает с содержанием предстоящей речи Гитлера 30 января⁷⁸. Наиболее вероятным представляется, что глава итальянского правительства откладывал ут-

⁷⁶ Toscano M. *Le origini diplomatiche...*, p. 100—102. *

⁷⁷ Ciano G. *Diario. 1939—1943*. Milano, 1971, p. 21, 7/I 1939.

⁷⁸ Ceva L. *Appunti per una storia...*, p. 242—245.

верждение общей стратегической директивы до заключения военно-политического союза фашистских государств, намеченного на ближайшие недели. В пользу такого предположения свидетельствует тот факт, что общая стратегическая директива итальянского руководства была представлена через неделю после подписания «стального пакта»⁷⁹.

В итоговом документе совещания было записано, что Бадольо должен обсудить с Муссолини «отношения Германии с нами в зависимости от того, какие соглашения необходимо заключить с германскими штабами родов войск». Отмечалась необходимость подготовки более обширного плана наступательных действий, «потому что оборона не решит проблем»⁸⁰.

30 января Гитлер выступил в рейхстаге с речью, в которой пытался обосновать «необходимость жизненного пространства» для немцев. В частности, он требовал возвращения Германии ее бывших колоний. Он также заявил о поддержке Италии в «любой войне». Это было выражением солидарности германского руководства с итальянскими агрессивными устремлениями⁸¹.

Тем временем продолжалось согласование проекта договора. По предложению немецкой стороны в секретный протокол были включены новые статьи о создании главной комиссии, подкомиссий экспертов (ст. 1), специальных комиссий по информации и печати (ст. 2).

4 февраля Муссолини выступил на заседании большого фашистского совета с развернутой программой итальянских притязаний на «ближние и далекие годы». Независимость каждого государства, говорил Муссолини, обуславливается доступом к морю. Италия является пленницей Средиземного моря, и, чем более населенной и могущественной она становится, тем невыносимее будет ее положение. Доступ к океанам закрывает ей железная решетка: Корсика, Тунис, Мальта, Кипр, Суэц и Гибралтар. Первая задача Италии, которая, по словам Муссолини, якобы не имеет территориальных претензий в Европе, за исключением Албании, это сломать железную решетку. После этого у Италии будет только один лозунг — вперед, к океану. К какому океану? К Индийскому через Судан, Ливию или к Атлантическому через Французскую Северную Африку. Придется столкнуться с Францией и Англией. Именно поэтому, заключил Муссолини, союз с Германией, которая прикроет Италию с тыла, является основополагающей исторической необходимостью⁸².

В первых числах февраля японское правительство сообщило в Рим и Берлин о положительном отношении к проекту, но для

⁷⁹ DDI, ser. 8, v. 12, N 59, p. 49—51.

⁸⁰ Ceva L. Appunti per una storia... , p. 245.

⁸¹ СССР в борьбе за мир накануне второй мировой войны. М., 1971, с. 671.

⁸² История Италии. М., 1971, т. 3, с. 144.

согласования некоторых деталей намеревалось направить свою делегацию в конце месяца. Задержка с подписанием пакта вызвала нескрываемое раздражение главы итальянского правительства. Итальянцы спешили заключить пакт с Германией, не дожидаясь окончания переговоров с Японией. «Дуче говорит, что для захвата Албании необходимо достижение двух условий: ликвидация испанского вопроса и подписание союза с Германией... Если мы подпишем пакт с Берлином, то атакуем сразу же»⁸³. Итальянцы проявляли столь очевидное нетерпение и настойчивость в отношении заключения пакта, что вызвали подозрение в Берлине. По возвращении из Италии начальник генерального штаба Браухич сообщил, что итальянцы, видимо, «хотят подороже продать свое сотрудничество, чтобы встать на полное экономическое содержание рейха». Он отметил слабость военно-экономического потенциала Италии⁸⁴. Возможно, этим было вызвано сдержанное отношение в Берлине к итальянским настойчивым предложениям об усовершенствовании механизма военных отношений и создании органов сотрудничества по родам войск⁸⁵.

Когда стало ясно, что переговоры с Японией зашли в тупик, германское руководство предложило 2 марта итальянцам начать военные переговоры между генеральными штабами двух стран. Спустя неделю Риббентроп предложил обсудить вопрос о заключении военного пакта между Германией и Италией, не дожидаясь завершения переговоров с Японией.

---

⁸³ Ciano G. Diario, p. 45, 48. 14, 16/II.

⁸⁴ L'Europeo, 18/IV 1948, p. 6.

⁸⁵ Toscano M. Le origini diplomatiche... , p. 121.